

которую пришелъ спасти. Вотъ что еще добавлю словами одного апологета: „Христосъ могъ преподать только вѣчную, непереходящую истину, ибо христианство есть свѣтъ, предназначенный свѣтить во всѣ вѣка,—и потому Христосъ не могъ давать указаний относительно вѣшнихъ учрежденій общественной жизни, которой Онъ нигдѣ не касается.—Всѣ установления царства Божія, преподанныя Имъ, относятся до духовной жизни людей, до внутренняго человѣка („Царствіе Божіе внутрь васъ“—Лук. 17,21),—не затрагивая непосредственно никакихъ вѣшнихъ учрежденій древняго міра. Онъ возродилъ, создалъ новаго духовнаго человѣка, и этотъ возрожденный и обновленный человѣкъ долженъ быть, по мѣрѣ освобожденія его чрезъ познаніе истинною (Іоан. 8, 32), пересоздавать и весь вѣшній строй жизни древняго (и новаго) общества“.

Съ этой точки зреія, мнѣ кажется, и можно понять, игнорировалъ ли Христосъ наши житейскіе законы. Нѣть, Онъ не игнорировалъ ихъ; чтобы видѣть это, достаточно размыслить объ отвѣтѣ Господа иродіанамъ по поводу дани Кесарю, а также объ отвѣтѣ Его Пилату по поводу власти послѣдняго; или, наконецъ, о повелѣніи Спасителя исцѣленнымъ прокаженнымъ идти къ священникамъ и принести очистительную жертву, установленную закономъ Моисея. Кроме всего этого мы и по самому смыслу христианскаго Откровенія должны понять, что строй жизни людей, охраняемый закономъ, вовсе не безразличенъ для христианскаго вѣроученія, въ частности для Церкви. Глава Церкви—Христосъ, Который открылъ намъ Бога, какъ любвеобильнаго Отца, непрестанно пекущагося о чадахъ Своихъ,—училъ о Промыслѣ Божиемъ, говоря: „если всякую полевую лилію Богъ одѣваетъ въ красивыя одежды,“ тѣмъ болѣе печется десница Всевышняго о вѣшнихъ удобствахъ нашей жизни, какъ-то, о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п. Мудрые гражданскіе законы (въ параллель съ законами нравственными), способствующіе установлению царства Божія на землѣ, суть та же красота лиліи, ласкающая наше зреіе, это твердый покровъ, подъ которымъ спокойно могутъ развиваться духовные силы.